но-музыкальный репертуар «прядимых» бесёд? Какие песни пелись там? Насколько песенный репертуар «игримых» и «прядимых» бесёд совпадал и насколько отличался? Мы прекрасно осознаем, что ответы на эти вопросы целиком зависят от состояния источников, которые в своих описаниях, как правило, не содержат необходимых деталей. Тем важнее сейчас разработать такую методику опроса последних информантов, еще помнящих о бесёдах тридцатых годов, которая помогла бы собрать необходимые сведения о праздничных и обыденных посиделках.

Укажем на еще один аспект зимних хороводов, который обращает на себя внимание после прочтения работы Р.Б. Калашниковой. В своем исследовании автор внутренне встает на позицию главной героини бесёдной игры — девушки. Второй персонаж зимнего хоровода — холостой парень — всё время остается на заднем плане. Тем не менее нам он представляется равноправным персонажем игры. (Заметим в скобках, что мужской «текст» фольклорной культуры до сих пор остается недостаточно осмысленным нашей наукой. Так, в свадебном обряде многогранно описан «текст» невесты, «текст» же жениха остается практически неизученным.) О важной роли парня на бесёдах свидетельствуют и немногочисленные факты этнографического порядка, приведенные в первой главе монографии, и *«Указатель мотивов бесёдных песен Заонежья»*, данный в приложении к книге (где с образом девушки связано 90 мотивов, с образом молодой жены — 21 мотив, а с образами холостого парня и молодого мужа немногим менее — соответственно 72 и 13). Бесёдная песня, таким образом, не сосредоточивается исключительно на образе девушки. Внимательное изучение индекса мотивов с очевидностью указывает на параллели некоторых тем, связанных с женским и мужским персонажами бесёдной лирики. К примеру, молодая жена топит старого мужа в море (мотив 20 в соответствующем разделе), так же поступает и молодой муж с нелюбимой женой (мотив 12); девушка идет по берегу и поет радость-песню (мотив 68), по берегу ходит и молодой парень (мотив 25) и т.д.

Монография Р.Б. Калашниковой «Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века» принадлежит к бесспорным удачам отечественной фольклористической мысли. Полагаем, что это исследование будет востребовано и этнографами, и фольклористами, и другими специалистами по народной культуре.

Научный симпозиум «НАРОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА: ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЭНТИТЕТ ЭТНОСА» и V Международная школа молодого фольклориста

4—8 июня 2001 г. в Архангельске проходили два больших научных мероприятия: международный научный симпозиум «Народные культуры Русского Севера: фольклорный энтитет этноса» и V Международная школа молодого фольклориста «Комплексное собирание, систематика и экспериментальная текстология фольклора». Их организатором выступила лаборатория фольклора Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова при поддержке Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. В организации и проведении симпозиума также принял участие Институт изучения культуры Университета Хельсинки.

На симпозиум, который проходил **4—5 июня 2001 г.**, в Архангельск прибыли специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Петрозаводска, Вильнюса, Тарту, Хельсинки, Йоенсуу. С приветственным словом к участникам симпозиума обратились зав. отделом науки и высшей школы Администрации Архангельской области, доктор философских наук Е.В. Кудряшева и проректор по научной работе ПГУ, доктор исторических наук В.И. Голдин.

Открыл симпозиум доклад члена-корреспондента РАН *В.М. Гацака (Москва)* «Формы и уровни этнопоэтической константности». Рассматривая фольклорный текст как многоуровневую, многослойную систему, исследователь сосредоточил внимание собравшихся на основных его структурных единицах — формуле и константе. В центре выступления оказалась этнопоэтическая константа с присущей ей гибкостью словесного воплощения, способностью переходить из жанра в жанр и из традиции в традицию.

Участники симпозиума с интересом прослушали доклад *А.-Л. Сиикала (Хельсинки)* «Вариативные исполнительские стратегии рунопевцев». В нем специальному рассмотрению подвергся вопрос о способах исполнения рун, и прежде всего о пластике рунопевцев при исполнении калевальской эпи-

ческой поэзии. Докладчица указала на вариативность традиционного перформанса и в связи с этим подчеркнула уязвимость позиции собирателей — приверженцев абстрактного идеала рунопевца, унаследованного от Х.К. Портана, который впервые описал церемониальное исполнение калевальских рун в классической работе «Dissertation de Poesi Fennica» (1778). А.-Л. Сиикала не только проанализировала территориальные различия в исполнительских практиках пения рун (провинция Саво, Беломорская Карелия). Среди затронутых ею вопросов: роль ситуативного контекста (публичное и приватное исполнение), специфика мужского и женского пения. В процессе анализа докладчица подчеркнула особый статус певца-знахаря — наиболее авторитетной фигуры в традиционной карельской народной культуре.

П. Хакамиес (Йоенсуу) познакомил собравшихся с результатами своего исследования на тему «Этническая проблематика на финно-русской границе в XVII—XX вв.». Докладчик обратил внимание на неточные этнические именования в приграничных зонах, где проживают карелы, финны, русские и шведы. По его наблюдениям, за той или иной этнической характеристикой может закрепляться самое разное содержание (указание на государственную, конфессиональную принадлежность представителей того или иного этнического сообщества). Так, в Финляндии православных карел нередко именовали «русскими». При этом финнов-лютеран их православные соседи часто называли «шведами».

В докладе *К. Хейккинен (Йоенсуу)* «Использование мифологии для этнического идентитета — это фольклорная действительность или неопаганизм?» была подчеркнута роль религии и мифологии в вепском этническом движении. Анализ полевых записей последних десятилетий показал, как в результате идеологического прессинга происходит трансформация обычаев и представлений, уходящих в глубь веков. Так, на первый план в современной обрядовой практике вепсов постепенно выходит женщина.

Н.М. Теребихин (Архангельск) сделал доклад на тему «Строительный миф и ритуал в традиционной культуре пермских финно-угров». Традиционные представления и обряды, связанные со строительством дома, были рассмотрены в связи с древними космогоническими мифами. Особое внимание докладчик уделил строительной жертве, коснувшись вопроса о порядке ее принесения, представив набор обязательных атрибутов и раскрыв их символическое значение (медные / серебряные деньги, шерсть, тесто, крылья рябчика, рыба и т.д.).

В центре внимания *Т.Г. Владыкиной (Ижевск)* оказалась фигура «тунó» («знающего») в удмуртской традиционной культуре. Докладчица подчеркнула его роль как главного приверженца и хранителя древней веры удмуртов. В ряду основных функций тунó она указала выбор жреца, выбор места поселения, выбор жертвы (эта тема формирует большой круг поверий и рассказов). Были приведены факты, свидетельствующие об авторитете тунó как прорицателя и врачевателя.

П. Пааль (Хельсинки) посвятила свое исследование месту мужчины и женщины в традиционной культуре Эстонии. Поскольку доклад был выдержан в духе современных феминистских выступлений, на первом плане оказалось положение женщины в структуре общества, в семье. Особое внимание было уделено роли женщины в сохранении фольклорной традиции. Исследовательница подчеркнула ее включенность в сферу коммуникации с потусторонним миром и в связи с этим непременное участие в осуществлении ритуалов (свадьба, родины, похороны).

Т.В. Краснопольская (Петрозаводск) поставила вопрос о целостном изучении музыкально-поэтической композиции карельского причитания. Она указала на неточность сложившихся в филологической науке принципов издания текстов карельских причитаний без разбиения строфы на строки (= проза). На ее взгляд, анализ музыкально-поэтического строя текстов свидетельствует о том, что перед нами особого вида поэзия. Стихотворная структура причета подчеркивается аллитерацией (смена строф отмечена различными аллитерированными комплексами) и особыми интонационными оборотами.

Э.Г. Рахимова (Москва) выступила с докладом на тему «Изобразительность метафорических уподоблений в рунах калевальской метрики». Она рассмотрела метафорические уподобления, образ сравнения / сопоставления которых принадлежит сфере солярной символики. По мнению докладчицы, задача исследования поэтического языка состоит в выявлении регулярной повторяемости (устойчивости / вариативности) художественных уподоблений. В процессе многовекового бытования формульных моделей (устойчивых грамматико-синтаксических единиц) образуются мифопоэтические средства художественной изобразительности. Изучение рун калевальской метрики позволяет составить единый реестр традиционных поэтических средств (кото-

рый, разумеется, должен корректироваться с учетом локальной специфики).

А.В. Кулагина (Москва) рассмотрела систему фольклорных жанров в аспекте этнической специфичности, взяв за основу подготовленное Э.Г. Рахимовой издание «Высек пламя Илмаринен: Антология финского фольклора» (2000).

Выступление *А.Л. Топоркова (Москва)* было посвящено олонецкому сборнику заговоров XVII в. из библиотеки Пушкинского Дома. В сборник включены карельские и русские заговоры. Известный с 1870-х гг. по публикации В.И. Срезневского, он неоднократно привлекал внимание исследователей заговорной традиции Русского Севера (в частности, Е.Н. Елеонской). Однако в полном виде до сих пор не издавался. Докладчик сосредоточился на рассмотрении сопроводительных текстов, а также реконструкции их системы в связи с образным миром заговорного текста.

В.Л. Кляус (Москва) в своем сообщении продемонстрировал, как с помощью компьютерной базы данных можно скорректировать устоявшиеся в науке суждения об истории развития композиционных форм заговоров. В центре внимания оказались заговорные тексты славян и народов Сибири.

С докладом «Словарь В. Даля как этнолингвистический источник (к 300-летию В.И. Даля)» выступил *Ю.А. Новиков (Вильнюс)*. Отметив широту фольклористических интересов знаменитого исследователя русской народной языковой культуры, он показал жанровое многообразие источников (заговоров, примет, загадок, народных афоризмов, пословиц и др.), использованных при составлении словаря. В.И. Даль первым подчеркнул важность фиксации контекста в паремиологии, что проявилось в его работе по комментированию отобранного материала. Докладчик особо отметил важность осмысления работы В.И. Даля в связи с современными научными проектами словарей языка народной культуры, в частности словаря «Славянские древности» (1995, 1999).

Т.В. Говенько (Москва) в докладе «Поэтика устности в немецких работах А.Н. Веселовского о северной эпической традиции» проанализировала две научные рецензии знаменитого ученого под общим названием «Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie» («Новые исследования в области русской народной поэзии») из журнала «Russische Revue». Первая — «Die russischen Totenklagen» («Русские похоронные причитания») — была напечатана в 1873 г. Она посвящена сборнику Е.В. Барсова «Причитания Северного края» (1872). Вторая — «Ein deutsches Werk uber die russischen Bylinen» («Немецкий труд о русских былинах») — рецензия на диссертацию немецкого исследователя русских былин В. Воллнера, опубликованная в 1882 г. Эти небольшие работы, несмотря на их прикладной характер, являются интересным документом развития теоретической мысли А.Н. Веселовского. В них прослеживается путь исследователя к теории «встречных течений».

Доклад *В.А. Бахтиной (Москва)* был посвящен восточнофинской экспедиции Б.М. Соколова (1925), целью которой было изучение межэтнических фольклорных связей мордвы, марийцев и удмуртов.

Продолжая историческую тему, *Т.Г. Иванова (Санкт-Петербург)* обратилась к судьбе удмуртских сказок из собрания Д.К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии». Она указала на источники, из которых были почерпнуты некоторые сказочные тексты (например, статья Н.Н. Блинова «Инородцы в северо-восточной части вотяцкого уезда» [1865]), а также вскрыла причины включения некоторых удмуртских сказок в раздел русских.

Л.Г. Григорьева (Москва) в докладе «К изучению русского фольклора и литературы как источника скандинаво-русских связей» большое внимание уделила проблеме национальной самобытности в творчестве писателей — творцов литературных сказок. В связи с этим были сделаны интересные наблюдения о специфике творческой манеры Б.В. Шергина. Однако главная идея выступления докладчицы состояла в раскрытии русско-скандинавских контактов эпохи средневековья.

В докладе *Н.В. Дранниковой (Архангельск)* «Прозвищный континуум и иноэтнические прозвища» были рассмотрены законы формирования этнического образа в прозвищном фольклоре. Исходя из основополагающей оппозиции *свое / чужое*, докладчица показала, как в прозвище отражается социальная, национальная, конфессиональная составляющая жизни этнического сообщества. Интересными показались и замечания, касающиеся представления о прозвище как свернутом, зашифрованном тексте и о прозвищном нарративе как о тексте развернутом, расшифрованном. В этой связи важно отметить, что в ходе доклада прозвище было рассмотрено во всех своих жанровых ипостасях.

Л.А. Харлин (Архангельск) в своем сообщении обратился к топонимике Русского Севера. На примере одной лексической группы (рыба и ее породы) он попытался показать саамские корни многих топонимов, распространенных в Архангельской

области. Продолжив тему, *К.П. Вольский (Архангельск)* рассмотрел широко распространенные на Русском Севере названия населенных пунктов с компонентом «гора» (в частности, Холмогоры). Докладчик предположил, что подобные топонимы имеют финно-угорское происхождение и обозначают поселение, стоящее на особицу.

Ю. Поуся (Йоенсуу) рассказал о результатах полевого обследования д. Кимас-озеро, расположенной на границе Архангельской и Олонецкой губ. В центре его внимания были представления карелов о воде как части ландшафта (море, озеро, река, порог, источник). Анализ образной системы традиционных поэтических и магических текстов позволил проследить, как реалии географического устройства территории, на которой обитают носители традиции, отражаются на поэтической системе рун.

Выступление *А. Сурво (Хельсинки)* «Магия повседневности: полевая работа как исследовательский миф» было посвящено фигуре собирателя и его восприятию носителями традиции. Докладчик рассмотрел рассказы ингерманландцев, связанные с исследователями рун, и пришел к выводу, что образ собирателя мифологизируется. Ему придаются черты прислужника нечистого, антихриста или шпиона (этому нередко способствует интерес собирателя к языческим текстам). Были рассмотрены поверья, запрещающие петь песни собирателю. Тема было продолжена *А. Леете (Тарту)*. В своем докладе он остановился на роли местного жителя как помощника и посредника в полевой работе фольклориста.

После отъезда финских коллег специалисты из Архангельска, Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Петрозаводска, Вильнюса приняли участие в работе школы. За три дня **(6 — 8 июня 2001 г.)** они заслушали методико-практические доклады основных лекторов и выступления молодых ученых, а также приняли участие в практических занятиях на базе Лаборатории фольклора ПГУ, просмотре видеофильмов и экскурсиях.

Первый день работы школы был посвящен докладам и сообщениям основных лекторов. В докладе *В.М. Гацака (Москва)* «Горизонты экспериментальной текстологии» были намечены основные задачи работы школы. Фольклористическая проблематика предстала как неразрывная цепочка задач, стоящих перед исследователем на разных этапах изучения народной традиции, — от точной, «многомерной» полевой записи текста до адекватного его воспроизведения в издательской практике. Принципы работы с текстом были представлены докладчиком на примере двух первых томов былинного свода (2001), а также серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В.М. Гацак затронул актуальные вопросы использования аудиовизуальных средств в процессе записи, хранения, обработки и издания фольклорных памятников.

Т.Г. Иванова (Санкт-Петербург) сделала доклад на тему «Основные текстологические проблемы при переиздании классических сборников фольклора». Представив копии записей фольклорных текстов, сделанных рукой А.С. Пушкина, А.М. Астаховой, Д.К. Зеленина, докладчица предложила сопоставить их с опубликованными вариантами этих же записей. Полученный результат позволил Т.Г. Ивановой утверждать, что фольклорный текст существует в трех ипостасях (аутентичный текст, звучащий в момент записи; полевая запись, как правило, приблизительная; опубликованный, нередко литературно обработанный текст). Степень погрешности при переходе от одной ипостаси к другой достаточно высока. Однако анализ помет собирателя, возвращение к рукописному оригиналу позволяют восстановить потери текста. Не случайно Т.Г. Иванова сформулировала вывод о целесообразности переиздания классических собраний только с учетом рукописи собирателя.

Собирательскому опыту братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых были посвящены два доклада, прозвучавших во время заседания школы. *В.А. Бахтина (Москва)* на основе писем Б.М. и Ю.М. Соколовых рассказала о том, как в их экспедициях формировалась методика коллективной (силами двух-трех собирателей) записи фольклорного текста, господствовавшая в отечественной полевой фольклористике до недавнего времени. *А.В. Кулагина (Москва)* в докладе «Методика собирания эпических жанров на Русском Севере» отметила, что книга Б.М. и Ю.М. Соколовых «Поэзия деревни» (1926) не утратила своей актуальности по сей день и может служить ценным методическим источником для современных исследователей-полевиков, обращающихся к собиранию духовных стихов, заговорно-заклинательной поэзии и других жанров, собирание и изучение которых было прервано в XX в.

Современным принципам полевой работы было посвящено несколько выступлений. *А.Л. Топорков (Москва)* назвал свой доклад «Из полевых опытов этнолингвистических исследований» и посвятил его полесским экспедициям под руководством Н.И. Толстого. Основное внимание докладчик уделил типам и структуре вопросников, с которыми работали участники экспедиций.

Ю.А. Новиков (Вильнюс) сделал сообщение на тему «Собирание фольклора по программам в современных условиях (из опыта полевой работы последнего десятилетия)», в котором поделился результатами собирательской работы, проводимой под эгидой Ассоциации по изучению культуры старообрядцев Литвы. Интересные наблюдения касались проблемы диффузии жанров; фиксации текста, активно / пассивно хранящегося в памяти носителей традиции. Была отмечена стабильность текстов несказочной прозы, которую удается вскрыть благодаря многократной записи текстов от одного и того же расказчика.

В.Л. Кляус (Москва) сосредоточил внимание собравшихся на методике видеофиксации фольклора. Вкратце коснувшись истории «этнографического» кино, он сразу подчеркнул, насколько отличны задачи научной полевой видеосъемки от задач создания популярного этнографического фильма. Докладчик особо выделил вопросы, связанные с видеофиксацией разных жанров фольклора, их динамичной / статичной съемки. В этой связи особое внимание было уделено съемкам заговорно-заклинательного акта. В.Л. Кляус рассказал о своем опыте работы со знахаркой и продемонстрировал фрагмент материала, снятого во время экспедиции к семейским Забайкалья.

Н.М. Теребихин (Архангельск) в докладе «Исторические предания о чуди и археологическая реальность» рассмотрел собирание фольклорных данных как составную часть полевых археологических исследований.

И.А. Разумова (Санкт-Петербург) поделилась опытом изучения семейной культурной памяти в образовательном пространстве (школа и вуз). Уникальность семейной словесности состоит в том, что в ней представлены все уровни развития фольклорной традиции. Выделив несколько групп материала (повседневно-обиходные, меморативные, ритуально-магические, ритуально-праздничные, игровые формы), И.А. Разумова указала на специфику методики фиксации материала внутри каждой. К сложностям, возникающим в процессе записи, можно отнести степень конфиденциальности информации. Однако эта проблема легко преодолевается, поскольку студент / школьник нередко является собирателем и информантом в одном лице. Не менее важный вопрос связан с искусственной / естественной ситуацией воспроизведения и фиксации семейного устного репертуара.

Второй день работы школы был обозначен в программе как «День молодого фольклориста». Открыл заседание доклад *М.Л. Лурье (Санкт-Петербург)* «Змея в народных поверьях (к вопросу о методике собирания материала)». Сосредоточившись в первой части своего выступления на анализе исследовательских подходов к изучению народных представлений, докладчик продемонстрировал слабость тех видов опроса, которые основаны на какой-либо заданной собирателем выборке (случайной с точки зрения носителя традиции). Он подчеркнул необходимость фиксации всего комплекса текстов, возникающих в сознании информанта в ходе общения с собирателем. Это «проговаривание традиции в тексте» дает возможность восполнить многие смысловые пробелы. Во второй части выступления докладчик продемонстрировал результаты своей методики на примере анализа текстов о змее. Он реконструировал комплекс характеристик змеи, исходя из установок лечебных текстов.

Л.В. Фадеева (Москва) в сообщении «Устное житие святого праведного Иоанна Кронштадтского: к проблеме источников» поделилась результатами полевых наблюдений, сделанных в ходе экспедиций в с. Сура Пинежского р-на Архангельской обл. Докладчица указала, что за последние несколько лет значительно возрос интерес местных жителей к фигуре их знаменитого земляка. Не случайно сегодня всё сильнее ощущается их стремление расширить круг представлений об о. Иоанне Кронштадтском. Почти на глазах собирателей складывается своеобразный «житийный» цикл устных рассказов о святом. Он формируется из нескольких источников (семейное предание, массовые церковные издания и др.). Особое внимание Л.В. Фадеева уделила легендарным сюжетам, которые устная традиция избирает в качестве альтернативы книжной версии жизнеописания о. Иоанна (в частности, рассказы о детстве Вани Сергиева).

Доклады студенток Поморского Государственного университета им. М.В. Ломоносова *О.А. Тучиной* и *О.Н. Пинисовой (Архангельск)* были подготовлены в рамках проекта «Пинежского этнокультурного словаря», работа над которым ведется в Лаборатории фольклора при ПГУ. О.А. Тучина поделилась своими наблюдениями над свадьбой Пинежья. В процессе подготовки дипломного исследования докладчица сосредоточилась на проблеме типологии и вариативности обрядовых структур. Рассказывая о результатах проделанной работы участникам школы, она не только показала динамику развития традиции, что стало возможным благодаря анализу записей XIX — XX вв. и их сопоставлению с современными полевыми материалами, но и представила локальные варианты свадьбы

внутри региона. Был обозначен песенный и плачевый репертуар пинежской свадьбы, проанализированы номинации свадебных чинов и их функции. Студентка III курса О.Н. Пинисова в докладе «Праздничная молодежная культура Пинежья» представила типологию молодежных гуляний 1920-х — 1930-х гг. (мечища, игрища, субботки, вечёрки, вечереньки / вечерянки, посидки). Все выявленные в ходе экспедиционных опросов типы молодежных гуляний были расклассифицированы по времени и месту проведения, по принятым на них занятиям, по возрасту участвующей в них молодежи. Докладчица остановилась на репертуаре молодежных собраний, выявив закономерности распределения песенно-игровых и хороводных комплексов по зимним и летним праздничным гуляньям.

Э.Г. Рахимова (Москва) рассказала о текстологической работе классиков финской фольклористики и в частности Э. Лённрота. Черновики записей рун, легшие в основу созданной им «Калевалы» (1835), были в дальнейшем включены в обширное издание «Древние руны финского народа» (1908 — 1932), все 33 тома которого публиковались в серии «Издание общества Финской литературы».

Т.В. Говенько (Москва) представила опыт текстологичекого анализа былины «О купце Терентии», предпринятого В.Н. Андерсоном в его в работах «Der Schwank vom alten Hildebrand» (1931) и «Die Textgestalt der Byline vom Kaufmann Terentij» (1952). В числе задач, которые решал знаменитый исследователь в своих работах, — реконструкция прототекста русской былины на основе анализа пяти вариантов; уточнение времени возникновения былины, а также ее сопоставление с текстом нижненемецкой народной песни о купце Струлсунде и нижненемецким шванком о старом Хильдебранде (полемика с А.В. Марковым о датировке и происхождении сюжета).

Студентки Петрозаводской государственной консерватории *Н. Березкина* и *Л. Грузнова (Петрозаводск)* обратились к рассмотрению музыкальной культуры финно-угорских народов. Н. Березкина сделала доклад на тему «Северные удмурты: свадебный обряд и песни на припевные слова». Она опровергла распространенное суждение о том, что у северных удмуртов нет песен. Проанализированные ею песни на припевные слова были оценены как своеобразные песни без слов, в которых главную роль играют ритм и возглас. Докладчица продемонстрировала образцы ритмических ячеек, которые лежат в основе этих песен, а также указала на необходимость выявления ладовых типов, служащих ориентирами для поющих. В сообщении Л. Грузновой были рассмотрены вопросы композиционно-ритмического строя погребальных и поминальных причитаний мордвы-мокши.

Практическое заседание участников школы состоялось в последний день ее работы. На нем с основным сообщением выступила заведующая Лабораторией фольклора ПГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук *Н.В. Дранникова (Архангельск)*. Она познакомила собравшихся с фондами Лаборатории, рассказала о методике обработки полевых записей и об основных принципах создания электронной версии архива. Были продемонстрированы материалы, уже представленные в электронной версии. Вторая часть заседания была посвящена проблемам использования аудиовизуальных средств для фиксации современной народной культуры. О своем опыте рассказали *В.Л. Кляус (Москва)* и сотрудница Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» *Л.Г. Козинская (Архангельск)*. Их выступления сопровождались показом видеофильмов «Баба Евга — укырский "поп"» и «Святые вечера, страшные ночи».

Во время работы школы ее участники получили возможность познакомиться с историей города Архангельска и узнать о находках энтузиастов-краеведов. Не случайно оргкомитет школы предусмотрел экскурсию по городу, знакомство с макетом старого Архангельска и экспозицией Музея мореплавания. В Музей деревянного зодчества и народного искусства Малые Корелы была организована целевая научная экскурсия. Большой интерес вызвала также работа музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» и организованная его сотрудниками выставка «Серебряные оклады северных икон».

Подводя итоги работы школы, ее организаторы и участники дали высокую оценку результатам, достигнутым Лабораторией фольклора Поморского государственного университета. Было принято решение о проведении в 2003 г. междисциплинарного семинара молодых финно-угроведов в Петрозаводске под эгидой межвузовской фольклорной комиссии. Среди мероприятий, проведение которых было бы полезным для молодых исследователей традиционной народной культуры, была также названа совместная экспедиция, анализ работы которой мог бы стать предметом специального семинара.

Материал подготовила
Л.В. ФАДЕЕВА
(Москва).